

утехам. У нее была особая бумага, поля которой усевали сплошь эмблемы побед на поприще любви; бумагой этой она пользовалась для любовных записок. Она изъяснялась галантным стилем того времени, но была весьма неглупа. От нее сохранилось сочинение под названием «Плохо обставленный уголок спальни», по которому можно судить, какова была ее особая манера письма.¹

Она носила большие фижмы со множеством карманчиков, в каждом из коих паходилась коробочка с сердцем усопшего любовника; ибо когда кто-то из них умирал, она тотчас же заботилась о том, чтобы набальзамировать его сердце. Фижмы эти она каждый вечер вешала на крюк за спицей кровати и запирала на замок.

Со временем она ужасно растолстела, и при этом заставляла делать себе лиф и юбки гораздо шире, чем следовало, а по ним и рукава. Мерка ее была на полфута больше, чем у других. Она носила белокурый шиньон цвета отбеленного льва с желтоватым оттенком, ибо рано облысела. Посему на висках у нее были большие букли, тоже белокурые, которые ей время от времени подстригали. В кармане она всегда носила про запас волосы того же цвета, опасаясь, что в нужную минуту их не окажется под рукою; дабы придать себе большую статность, она вставляла себе в платье по бокам жестяные планки, расширявшие лиф. Через некоторые двери она не могла пройти.

На склоне лет она любила некоего музыканта Виллара. Этому Виллару приказано было всегда носить засученные штаны и привязанные чулки, хотя никто уже так не одевался. Между собою его называли «Король Марго». У Королевы было несколько побочных сыновей; один из них, говорят, выжил и стал капуцином.² Наличие «Короля Марго» отнюдь не мешало нашей Королеве быть весьма набожной и богобоязненной, ибо она заказывала неисчислимое количество месс и вечеров.

Если не считать ее безудержного стремления к любовным утехам, она была весьма благоразумна. Она не пожелала согласиться на расторжение своего брака с Королем в пользу г-жи де Бофор. У нее был гибкий ум, и она умела приспособливаться к требованиям своего времени. Она наговорила множество льстивых слов покойной Королеве-матери,³ и когда г-да де Сувре и де Плювинель подвели к ней покойного Короля,⁴ воскликнула: «Ах, как он красив! Ах, как он хорош! Сколь же счастлив Хирон, воспитующий сего Ахилла!»⁵ Плювинель, который отличался изысканством ума не в большей мере, чем его лошадь,* шепнул г-ду де Сувре: **«Говорил я вам, что эта элочка как-нибудь да обругает нас!».

* Он был вторым наставником дофина и Первым шталмейстером Большой конюшни.

** Сей де Сувре, по слухам, говорил «Буцефал» вместо «Цефал» там, где у Моперба сказано:

И если бы сравненья это
Когда-то делал сам Цефал...